

Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-26-31>

Политико-правовые аспекты «постглобализации»

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич^{1, 2}, Скурко Елена Вячеславовна³

¹НИУ ВШЭ, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия,

³Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия

^{1, 2}estd1212@yandex.ru

³skourko@mail.ru

Аннотация. Анализируются актуальные вопросы постглобальных трансформаций в политико-правовом аспекте. Статья является частью более широкого исследования, нацеленного на определение места, занимаемого вопросами права в общей методологической структуре различных аспектов постглобализации, и взаимосвязь формирующегося постглобального права с этими аспектами. Авторы констатируют, что постглобальное право будет в значительной мере менее универсальным и более контекстным. В дискуссионном порядке представлены структуры, свойства, обозначены перспективы глобального и макрорегионального развития; поставлен вопрос правовой реформы в России с учетом динамики пост-глобализации.

Ключевые слова: пост-глобализм, неоглобальность, правовая политика, правовая реформа, международное право, российское право

Для цитирования: Евстафьев Д. Г., Скурко Е. В. Политико-правовые аспекты «постглобализации» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 26–31. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-26-31>.

Original article

Political and legal aspects of "post-globalization"

Dmitry G. Evstafiev^{1, 2}, Elena V. Skurko³

¹Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

²State of the Peoples' Friendship University, Moscow, Russian Federation

³Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russian Federation

^{1, 2}estd1212@yandex.ru

³skourko@mail.ru

Abstract. The current issues of post-global transformations in the political and legal aspect are analyzed. The article is part of a wider research dedicated to defining the place of the issues of law within the general methodological structure of post-globalization as well as the specifics of interaction between post-global law and other socio-political aspects of worldwide transformations. The authors claim that the post-global law could be much less universal and more dependent upon political and economic context. Structures, properties and prospects of global and macro-regional development are presented and outlined for a discussion; the question of legal reform in Russia considering the dynamics of post-globalization is raised.

Keywords: post-globalism, neo-globality, legal policy, legal reform, international law, Russian law

For citation: Evstafiev D. G., Skurko E. V. Political and legal aspects of "post-globalization". *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 26–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-26-31>.

© Евстафьев Д. Г., Скурко Е. В., 2023

Одной из важных черт современного этапа глобальных трансформаций является то, что мы начинаем погружаться в методологически размытый мир. Это очень заметно по частоте употребления приставки «пост» перед важнейшими структурными характеристиками человеческого развития. «Постэкономика», «постправда», «посткапитализм», «постчеловеческое общество» предстают как агрегированное воплощение современного мира. Все эти понятия отражают одно важное свойство современного мира — не просто размытость границ между сферами познания и развития, что было свойственно и постиндустриальному постмодерну как социально-экономической системе, — но разрушение базовых, референтных основ, в частности, таких как право в различных его проявлениях, определяющее в действительности ключевые параметры развития человечества: от экономики до межличностного взаимодействия.

Современная дискуссия о новом мироустройстве, — «постглобализации», — который можно было бы назвать «миром неоглобальности», обозначает в качестве принципиальных четыре вопроса.

— «Стартовые позиции» неоглобальности, особенности допустимой «рамки» перехода к неоглобальности для различных акторов системы мировой политики и экономики. Несмотря на относительно быстрое развитие глобальных политических и, в особенности, геоэкономических трансформаций, возникающая система международных отношений будет еще значительное время нести на себе существенный отпечаток черт «поздней глобализации». Иными словами, существует вопрос о том, что такое «посткапитализм» как инструмент организации пространства межсистемного взаимодействия в мире неоглобальности.

— Формы освоения / переосвоения пространства, вовлеченного в процессы строительства неоглобальности. Станет ли неоглобальный мир окончательно «пространством глобальных городов» [8], к чему вели тенденции поздней глобализации, со всеми вытекающими из этого социокультурными и политико-психологическими особенностями, — или же неоглобальность вернет модель развития к интегративности, основанной на «догоняющей» социально-экономической модернизации. Возникает вопрос о том, насколько «пространство» возникающего мира будет более широким или более узким по сравнению с миром поздней глобализации.

— Каковы будут социально-политические формы освоения и закрепления в пространстве мира неоглобальности. Речь идет о форматах внутрисистемной социально-политической институционализации [2], включая принципы построения «новой представительной демократии», встроенной не только в новый технологический контекст, но и в новую социальную и социо-экономическую структуру неоглобальных обществ, которая может существенно отличаться в зависимости от цивилизационного контекста, — а значит, и внутренняя регуляторика у таких систем может быть принципиально различной.

— Правовое оформление пространства неоглобальности, сочетающее в себя регулятивные нормы внутрисистемного и межсистемного характера. Этот вопрос особенно важен, учитывая не просто глубокую деструкцию международного права, но и кризис субъектности, принципиальную трансформацию системы субъектов международного права, в том числе и в результате попыток построения в период поздней глобализации «безгосударственного» мира [7]. Здесь речь идет о характере и рамках реализации принципов суверенитета и о носителях (субъектах реализации) суверенитета.

Во всех четырех аспектах развития неоглобального мира мы сталкиваемся с политико-правовыми аспектами развития (миро)системы, которые формируют, в действительности, рамки ее институционализации.

Собственно осмысление и «проектирование» обновления «мира глобализации» началось «на рубеже тысячелетий», когда с мыслями о «конце света», «конце истории» и т. п., в конце XX века, например, Ю. Хабермас писал о том, что право «чрезмерно колонизировало жизненное пространство»; Ф. Ноне и Ф. Селзник выступали за некий «быстрореагирующий» закон, а Г. Тойбнер — за «рефлексирующий». В сущности же, как полагает португальский социолог Б. де Соуза Сантос, во всех этих и им подобных теориях содержится призыв к «новой метаморфозе» прежде всего правовой сферы, которая привела бы социально-правовое развитие в «надлежащее состояние», к своим «естественным пределам», — «что бы это не означало» [10, p. 280].

Метафора Ю. Хабермаса, впрочем, с нашей точки зрения, отражает, помимо очевидного ощущения «заполненности» Западом «ойкумены глобализации», еще и опасения относительно необходимости выхода за пределы «познанного», — то есть пространства, которое

«понятно» Западу, причем не только в духовно-цивилизационном, но также экономическом и иных аспектах.

Так, окончание «холодной войны» открыло к «освоению» пространство, которое Западу было известно и понятно, — более того, которое само было «Западом». В отношении его «интеграции» в «глобальный» мир не существовало серьезных методологических и ресурсных проблем, — более того, его освоение давало возможность ресурсного усиления Запада, а в особенности — его «метрополии» (США) и «полупериферии» (ЕС, и в особенности Германии). Вход же за «фронт» социально-модернизированного мира (мира пред-постмодерна) всегда представлялся для «мира глобализации» большой сложностью именно в силу социальных диспропорций. Эта сложность в последнее время реализовалась в известной формуле Ж. Борреля «Сад и джунгли», однако присутствовала в дискурсе много ранее, — например, в концепции «четвертого мира», которая фиксировала, что «мир глобализации» превращается из «пространства интеграции» в пространство разделения и ограничения, — и т. п.

«Мир глобализации» с философско-методологической точки зрения — на рубеже тысячелетий — представлял собой пространство, пригодное к сетевизированным индикативным формам управления, так или иначе ложащимся в модель управления через «каскадируемые нарративы», то есть через механизмы относительно социально малоинтрузивного информационно-политического конструирования приоритетов развития как на микро-, так и на макроуровне, уровне «большой системы» (государства, транснациональные корпорации, коалиции и т. п.).

Это подразумевало наличие нескольких принципиальных условий, как то:

— демонтаж экономических (а в идеале — и социальных) аспектов государственного суверенитета через включенность национальных экономик в технологические цепочки и цепочки поставок, которые невозможно контролировать на уровне отдельного государства, — однако при сохранении некоторых аспектов политического суверенитета;

— глубокое разрушение свойственной индустриальному модерну социально-классовой структуры общества, фиктивизация традиционной структуры социально-политической репрезентации [5];

— высокий уровень развития информационного общества, присутствие в социальном

пространстве информационных технологий как части повседневной социально-потребительской сферы [4];

— вовлеченность общества в долгосрочные глобальные социально-информационные приоритеты (социо-информационную «повестку»), при сохранении относительной свободы в краткосрочной повестке;

— высокий уровень социальной атомизации при доминировании социальной универсальности как главной модели социального поведения, основанной на универсализации моделей потребления;

— относительно высокий уровень идеологизации общества, разрушение в нем традиционного политико-идеологического (а на практике — социально-политического) деления.

Несмотря на попытки переосмысления «мира глобализации» различными философскими школами и отдельными личностями, — от Дж. Урри [6] до И. Валлерстайна [1], — в основе своей (а в особенности — в сетевизированной форме, по Э. Гидденсу [9]), «глобализация» была не столько «явлением», сколько «процессом», формировалась «по факту». В этом смысле, когда критики глобализации говорили, что она развивается в рамках «революционной целесообразности», это было лишь незначительным преувеличением. Предполагалось, что глобализация, особенно реализующаяся на базе постиндустриального постмодерна, как минимум, в своем «ядре», сама сформирует свои рамки, а затем можно будет заняться институционализацией получившегося, его «кодификацией».

Нынешний этап глобальных трансформаций показывает, что ключевыми точками неопределенности «постглобализации» в формировании «мира неоглобальности» являются: (1) новая институциональность, способная лучше отражать потребности геоэкономически регионализирующегося мира и (2) вопросы правового обеспечения новой архитектуры экономических и политических отношений, включая регулирование «надпространственных» систем поствестфальского суверенитета [3], становящихся ареной межгосударственного противоборства.

Так, в частности, сегодня мы сталкиваемся с интересным политическим парадоксом, который при определенных условиях может стать правовым. Это — формирование системы геоэкономических макрорегионов, которое, в свою очередь, подразумевает формирование устойчивой правовой среды, обеспечивающей высокую защищенность не только экономического,

но и социального, а значит, и социально-политического пространства. Логика геополитических процессов будет диктовать ситуацию, когда оформление подобных пространств «коалиционного суверенитета» будет осуществляться на базе правовых норм страны-ядра макрорегиона. Но в таком случае упорядочивание конкуренции «великих держав» и их последующего взаимодействия будет неизбежно осуществляться через взаимное признание их «правового доминирования» в соответствующих пространствах. Что концептуально весьма напоминает модель, по которой устанавливались политические рамки упорядоченной конкуренции СССР и США в рамках так называемой «разрядки», зафиксированные 29 мая 1972 года в документе с характерным названием «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки».

Современная «легализация» отношений «макрорегионов», какие бы формы она не принимала, в принципе будет означать признание неизбежности деглобализации мира, которая не может быть ограничена только пространственными системами и отношениями, и неизбежно затронет «постпространственные» стороны.

Для Российской Федерации это в числе прочего означает следующее.

Подобно тому, как в 90-е годы XX века (после распада СССР) в России была проведена масштабная правовая реформа — «перестройка» правовой системы страны в соответствие с Конституцией Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, — в настоящее время назрела задача — сопоставимой в масштабе — правовой реформы, предтечей которой можно признать принятие поправки к Конституции Российской Федерации всенародным голосованием 1 июля 2020 года, введенной в действие Указом Президента Российской Федерации от 4 июля 2020 года.

Так, подобно тому, как падение СССР по сути легло в фундамент для развития глобализации 90-х — 2000-х годов, мировой экономической кризис 2008 года запустил процессы, которые к сегодняшнему дню привели мироустройство к положению «постглобализации» — деградации и распаду мирохозяйственных связей и международных отношений, сложившихся на рубеже веков, протекающих на фоне глубинного и беспрецедентного «падения нравов» в обществах «ядра» глобализации 90-х — 2000-х годов (США) и ее «полупериферии» (ЕС).

Разработка концепции правовой реформы в России сегодня, ее последующая реализация в

ближайшей перспективе могут составить существенную часть ответа на вызовы «постглобализации», сделать вклад общественных наук и общественной практики современной России в конструирование в интересах страны «неоглобальной» картины мира и международных отношений, их последовательного воплощения в будущем на благо граждан и народов страны.

Следуя логике развития постглобализации от «однополярного» к «многополярному» миру, современная правовая реформа в России во многом должна стать противоположностью реформ 90-х годов, протекавших на фоне и вследствие перехода от «биполярного» мира на пике «холодной войны» 80-х годов между СССР и США — к однополярному миру глобализации 90-х — 2000-х годов.

Правовая реформа должна коснуться практически всех отраслей российского законодательства.

Так, международное право должно вернуться к концепции, которая существовала в период СССР, а именно идеи о том, что международное право есть самостоятельная правовая система. Действительно, развитие глобализации потребовало продвижения идей о том, чтобы в законодательство государства были непосредственно интегрированы нормы международного права, а с другой стороны, — чтобы на уровень международных отношений в качестве самостоятельных «субъектов» международного права были выведены физические лица, — в основном через бурно развивавшиеся в 90-х годах институты международно-правовой охраны прав человека, а также региональных решений, например, вроде Европейской конвенции по правам человека Совета Европы и такого его органа как ЕСПЧ и др.

Примечательно при этом, что, если в России — и подавляющем большинстве других государств мира — с 90-х годов закрепляется идея приоритета норм международного права по отношению к законодательству, принимаемому на национальном уровне, то для США, отметим, еще задолго до «глобализации», получило господство представление, что нормы международного права могут составить часть правовой системы США, однако все они в иерархии источников права занимают самые последние места, то есть практически не подлежат применению. С этой точки зрения сама «правовая система глобализации» косвенно оформляла собой «господство» США в международно-правовых отношениях, несмотря на принцип суверенного равенства государств,

принятый в международном праве, в том числе лежащий в основе ООН и отраженный в Уставе ООН и целом ряде иных международно-правовых документов.

Возвращение России к традиционному для правовой культуры страны отделению международного права от общего «тела» национальной правовой системы — важный шаг как для государственно-правового строительства, так и для общественного развития страны в современных условиях.

Кроме того, существенного реформирования — в ряде других отраслей российского права — требуют отдельные институты гражданского, а также уголовного права.

В (гражданско-)правовом регулировании требуют развития институты государственной и муниципальной собственности: правила ее приобретения, отчуждения, пользования и пр. Так, согласно части 2 статьи 8 Конституции Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Несмотря на то, что «государственная» (и «муниципальная») собственность отделены от «частной», никакого особенного развития институты государственной и муниципальной собственности в законодательстве не получают — «право государственной (и муниципальной) собственности» не раскрыто, неопределенно, а, следовательно, неэффективно или открывает широкие возможности для злоупотреблений. Это в особенности губительно в свете существующих условий — ограничений и рестрикций разного рода, введенных против России со стороны отдельных зарубежных государств и организаций.

Кроме того, с учетом существующих обстоятельств вообще уместно в принципе вновь вернуться к вопросу о развитии «хозяйственного права» в правовой системе страны: актуальная проблематика функционирования и роста «государственного сектора» в отечественной экономике, «государственно-частного партнерства», государственных гарантий в хозяйственно-экономической деятельности разного уровня, масштаба и направленности требуют адекватного законодательного регулирования — вплоть до обособления в системе законодательства «хозяйственного кодекса» — вопроса, дискутируемого в стране еще с периода 30-х годов XX века.

Важнейшим вопросом успеха хозяйственно-экономического развития страны на современном этапе становится проблема развития — в гражданско-правовом регулировании — института принудительного лицензирования в

отношении интеллектуальной собственности. Значимость этого вопроса трудно переоценить, однако потенциал, который включает в себе институт принудительного лицензирования в принципе, крайне малоэффективно реализован в современном российском праве. Было бы верным обратить внимание на развитие комплексного правового регулирования совокупности вопросов ограничения исключительного права интеллектуальной собственности по всему спектру ее правовой охраны.

Не менее значимым для России сегодня является круг вопросов развития уголовного законодательства страны. Даже не касаясь проблематики оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса и уголовно-исполнительного законодательства, сам Уголовный кодекс Российской Федерации требует ряда принципиальных реформ. Это, как минимум, касается обособления «военных преступлений» в Особой части, а также введения институтов уголовной ответственности иностранных физических и юридических лиц, а также должностных лиц иностранных государств и международных организаций в Общую часть.

В данном вопросе мы исходим из того, что даже перспектива «регионализации» как варианта «постглобальности» не должна снимать крайне обострившийся в последнее время глобальный этико-правовой запрос об ответственности известных «глобальных игроков» (и отдельных лиц) за тот вред, клевету, ложь и преступления, которые были совершены ими против человечества и народов, в том числе против Российской Федерации и ее граждан.

Список источников

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. с англ., вст. ст. и прил. Г. М. Дерлугьяна. 2-е изд., испр. Москва: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
2. Давыдов Д. А. Посткапитализм и рождение персоналитета. Москва: РИПОЛ классик, 2021. 336 с.
3. Евстафьев Д. Г., Межевич Н. М. Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире // Политическая наука. 2022. № 4. С. 121–144.
4. Кастельс М. Власть коммуникации / под науч. ред. А. И. Черных / пер. с англ. Москва: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2016. 564 с.
5. Майр П. Управляя пустотой. Размывание западной демократии / пер. с англ. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. 216 с.
6. Урри Дж. Как выглядит будущее / пер. с англ. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.
7. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. Москва: Изд-во АСТ, 2017. 704 с.

8. Штраус Л. Город и человек / пер. с англ. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2016. 502 с.

9. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. NY: Routledge, 2003. 104 p.

10. Sousa Santos B. de. Law: A map of misreading. Toward a postmodern conception of law // Journal of law and society. 1987. Vol. 14. No. 3.

References

1. Wallerstein I. World-system analysis. Introduction / trans. from English, Vst. Art. and adj. G. M. Derlugyan. 2nd ed., rev. Moscow: URSS: LENAND Publ., 2018. 304 p. (In Russ.)

2. Davydov D. A. Postcapitalism and the birth of personalities. Moscow: RIPOL classic Publ., 2021. 336 p. (In Russ.)

3. Evstafiev D. G., Mezhevich N. M. Post-Westphalian sovereignty in the post-global world. *Political Science*, 2022, no. 4, pp. 121–144. (In Russ.)

4. Castells M. The power of communication / under scient. ed. by A. I. Chernykh / transl. from English. Moscow: NRU HSE Publ., 2016. 564 p. (In Russ.)

5. Mayr P. Managing the void. Erosion of Western Democracy / transl. from English. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2019. 216 p. (In Russ.)

6. Urri J. What does the future look like / trans. from English. Moscow: “Delo” RANEPА Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)

7. Fukuyama F. Fading of the state order. Moscow: AST Publ., 2017. 704 p. (In Russ.)

8. Strauss L. City and man / transl. from English. Saint Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2016. 502 p. (In Russ.)

9. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. NY: Routledge Publ., 2003.

10. Sousa Santos B. de. Law: A map of misreading. Toward a postmodern conception of law. *Journal of law and society*, 1987, vol. 14, no. 3.

Информация об авторах

Д. Г. Евстафьев — кандидат политических наук, профессор;

Е. В. Скурко — кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. G. Evstafiev — Candidate of Sciences (Politics), Professor;

E. V. Skurko — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 29.06.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.